

Сергей Борисов

Юлия Юшкова-Борисова

Понять Беларусь

Записки странствующих
социологов

Юлия Юшкова-Борисова

**Понять Беларусь. Записки
странствующих социологов**

«Издательские решения»

Юшкова-Борисова Ю.

Понять Беларусь. Записки странствующих социологов /
Ю. Юшкова-Борисова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905582-8

«Социология странствия» — это органичное сочетание научно-исследовательских методов с вненаучными способами постижения действительности, это активная разведка социальной реальности, прежде всего, стран и регионов, путём вживания в них, превращения исследования в часть своей жизни. Беларусь — удивительная страна, её сможет понять только доброжелательный, непредвзятый «странник», готовый отказаться от стереотипов, проявить уважение и интерес к её необычной судьбе и неповторимым чертам.

ISBN 978-5-44-905582-8

© Юшкова-Борисова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Холст и рама	7
Почему мы занялись Беларусью?	7
Как мы занялись Беларусью: выбор концепции и методологии	10
«Социология странствия» и «колесо смыслов»	12
Глава II. Страна Беларусь. Широкими мазками	16
Беларусь как страна. Территория. Народ. Государственность	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Понять Беларусь

Записки странствующих социологов

Сергей Борисов
Юлия Юшкова-Борисова

© Сергей Борисов, 2019

© Юлия Юшкова-Борисова, 2019

ISBN 978-5-4490-5582-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Беларусь – негромкая страна.

Страна вежливая, опрятная, неторопливая. Эмоции – по большей части внутри. Реакции – сдержанны, не импульсивны.

Народ по преимуществу не мелкий, скорее, рослый. Толстые встречаются редко, больше сухощавых, подтянутых (не худых).

Современная Беларусь способна производить благоприятное впечатление на кого угодно: на приехавшего с востока, с запада, с севера, с юга. Беларусь не поражает воображение, но как-то легко нравится.

В Беларуси нет ничего экзотического, экстравагантного. А вот интересного немало.

Приезжего человека здесь не обидят, не оскорбят, не поставят в неловкое положение, по крайней мере, осознанно того желая.

Но Беларусь при этом – не слабая, не виктимная. В ней чувствуется внутренняя сила, упорство и устойчивость. Она может себя защитить, хотя не все это замечают. По крайней мере, сразу.

Хочешь рассказать о Беларуси – вооружись словом «неопределённый»: оно потребуется часто. Здесь точке предпочитают запятую и – особенно – многоточие. Такова здесь природа. Таков климат. Таков стиль местной жизни, такова манера общения. Такова история этих мест. Такова биография коренного населения и его идентичность. Таково по большей части национальное искусство: и фольклорное и профессиональное. Туман, неясность контуров, неокончателность решений и нерезкость поступков – это по-белорусски. Впрочем, контрапунктом этой размытости очертаний, туманности иногда становится подчёркнутая, до брутальности, графичность: не только в искусстве, но и в общественно-политическом обиходе, в повседневном общении.

Беларусь любит держать паузу, умеет это делать виртуозно. В этом умении – одновременно – главная сила людей этой страны, но, возможно, и главное их уязвимое место. Белорусские паузы иногда утомляют своей затянутостью, но, может быть, дело в недостатке терпения у наблюдателя? Беларусь – страна-стайер, страна «с длинным дыханием».

И ещё. В нашей книге мы будем называть эту страну так, как она сама себя называет – Беларусь. Хотя в книге на русском языке согласно канону надо бы говорить и писать – Белоруссия. Но это особенная книга, она – про «страну Беларусь», то есть, про страну такую, какая она есть на самом деле, а не про такую, какой другим удобно её представлять.

Первая, вторая и четвертая главы написаны Сергеем Борисовым, третья – Юлией Юшковой-Борисовой. Мы так разделили труд, основываясь на том, кто что увидел и что хочет написать о Беларуси. Сергей взял себе описание концептов, а Юлия глубинную тонкую суть страны.

Глава I. Холст и рама

Почему мы занялись Беларусью?

Профессиональный интерес к этой стране зрел у нас постепенно. Вообще, если человек живёт на территории бывшего СССР и занимается социальными науками – хоть фундаментальными, хоть прикладными – он в принципе не может уйти от размышлений на тему жизни народов и судеб государств, появившихся в декабре 1991 года из тела советской государственности. Для каждого из нас – это часть личной биографии, даже для тех, кто родился позже. Причины попадания на Большую Историческую Развилку и последствия её прохождения до сих пор определяют жизнь людей, семей, сообществ, составлявших в прошлом совокупную советскую субцивилизацию.

И уж если мы «приговорены» к этой теме, то обречены и на острый взаимный интерес к постсоветской жизни друг друга. Интерес этот – непростой, многослойный. В нём есть и естественное исследовательское любопытство, и чисто обывательская пристрастность, порой переходящая то в ревность, то в зависть, и добрососедское сочувствие. Мы то и дело будто продолжаем выяснять что-то недовыясненное в совместном прошлом.

С 2009-го года Экспертный центр «Мера» – негосударственное научно-исследовательское учреждение – регулярно работает по проблематике постсоветских стран. В нашем багаже – материалы исследовательских, консалтинговых, просветительских, социально-инжиниринговых проектов в пяти таких странах.

Когда долго и серьёзно чем-то занимаешься, от проекта к проекту, от кейса к кейсу растёт осведомлённость, накапливаются сравнения, напрашиваются обобщения и выводы. Как-то сам собой собирается пакет гипотез, которые просятся проверить их надёжным исследовательским инструментарием. Уточняется и шлифуется сам этот инструментарий, отбираются методики и подходы, результативно работающие в данных конкретных условиях.

Поэтому по мере роста тематической компетенции и человеческой включённости в исследуемую среду зреет желание спланировать и реализовать свой, *авторский проект*, не стеснённый рамками целевого задания, сформулированного заказчиком. Применительно к страноведческой тематике это желание тем сильнее, чем больше открывается оснований убедиться: постсоветская реальность новообразованных государств различается больше, чем этого можно было бы ожидать, принимая априори точку зрения, согласно которой «мы все вышли из одного состояния».

Действительно, *если все были одинаковы на старте, в 1991-м году, почему так быстро в постсоветских странах начали разниться политическая и экономическая жизнь, социальные и гуманитарные практики, ценностные и мировоззренческие цивилизационные ориентиры?* И это только первый из фундаментальных вопросов, на которые сегодня нет удовлетворительного, убеждающего ответа.

Эксперимент, поставленный историей на пространстве бывшего СССР, подарил социальным наукам россыпь роскошных страноведческих сюжетов. К сожалению, наш научно-гуманитарный цех едва ли может похвастать тем, что сполна использовал эту возможность в профессиональных видах. Причин тому несколько, и мы в нашей книге будем их касаться по разным поводам. Пока же укажем на одну – самую, возможно, парадоксальную: чрезмерный компаративистский крен исследовательской деятельности в этом проблемном поле.

Так сложилось, что представители научно-гуманитарного сообщества, изучающие постсоветское пространство, свои основные усилия сосредотачивают на сравнительных процедурах. Собственно, само по себе это не плохо. Известно, что компаративистские методики при

грамотном использовании дают хороший эвристический эффект. И сравнивать развитие постсоветских стран по самым разным критериям интересно, полезно и перспективно.

Но компаративистика продуктивна, когда опирается на достаточно обширные и достаточно надёжные знания об объектах сравнения, в данном случае – об отдельных страновых историях: таджикской, армянской, эстонской, молдавской, белорусской и т. д. А такие кейсы складываются на основе системного изучения каждого из объектов как случая единичного, уникального.

И, прежде чем встраивать тот или иной случай в какой-либо сравнительный ряд, нужно основательно подготовиться к этой процедуре. Нужно обстоятельно *знать всё важное* из событийно-исторического ряда в реальной последовательности и стадийности. И нужно точно *понимать, почему* всё происходило и происходит именно так.

В изучении постсоветских стран за прошедшие годы сделано немало: и в описательном и в аналитическом плане. И всё-таки – сделано недостаточно. И, в первую очередь, потому, по нашему мнению, что до сих пор редко в центре исследовательского внимания оказывается то, что уместно назвать *«страновой индивидуальностью»*. А ведь более органично, когда полноценное научное постижение страновой индивидуальности предшествует сравнительным исследованиям, а не наоборот.

Мы решили внести вклад в преодоление дисбаланса познавательной практики и использовать опыт, наработанный нами в Молдове, Киргизии, Украине, Казахстане, попытавшись *выработать исследовательскую матрицу, алгоритм для описания и анализа страновой индивидуальности постсоветских государств*. Выработать в процессе исследования конкретной страны. И такой страной мы выбрали Республику Беларусь.

Почему именно эта страна была выбрана нами в качестве поля для авторского исследовательского проекта?

Во-первых, потому, что мы – россияне, и, как у всех россиян, у нас к Беларуси – отношение особое, далеко выходящее за рамки профессионального интереса. Беларусь очень важна и ценна для нас: ментально, эмоционально, прагматически, онтологически, символически. Все мы – зеркала друг для друга: смотрясь в другого, лучше видишь и понимаешь себя. Беларусь для России – самое, возможно, ценное зеркало, и в него стоит всматриваться особенно пристально.

Во-вторых, кажется, внешнее восприятие ни одной из постсоветских стран не обременено таким количеством широко принятых, «бродячих» стереотипов и клише, как восприятие Республики Беларусь. Между тем, ещё приглядываясь со стороны, то и дело догадываешься, что в действительности не так всё просто с этой страной. Хочется пойти и посмотреть самому, заглянуть под внешнюю оболочку, разобраться, насколько расхожие стереотипы соответствуют реалиям.

...Не будем оспаривать очевидное. Не только у российского обывателя, но и у многих представителей отечественного политического класса и даже экспертного сообщества представления о Республике Беларусь априори складываются на основе примерно следующих посылок:

1) «Беларусь, в отличие от ряда других союзных республик, не добивалась в 1991 году выхода из состава СССР и независимости. На путь становления и развития суверенной государственности она встала вынужденно: её, можно сказать, вытолкнули на него. И этим вынужденным выбором население Белоруссии до сих пор тяготится: если бы оно было поставлено ныне или ранее перед прямым выбором, то предпочло бы жить в едином государстве с Россией, а не строить своё собственное»;

2) «Беларусь – наиболее консервативный („советизированный“) фрагмент постсоветского мира. Там сохранено больше, чем, где бы то ни было ещё, элементов наследия советской

субцивилизации: в экономических и социальных практиках, в политике, идеологии и культуре»;

3) «Белорусы – не вполне отдельная от русских нация. Это, скорее, региональная, а не этническая общность. Белорусский язык не самостоятелен, он – местный диалект русского языка. Тем более что он по факту не является основным языком общения в стране и не выдерживает конкуренцию с русским языком ни в общественно-политическом обиходе, ни в сфере деловых отношений. Даже Президент Республики Беларусь А. Лукашенко публично белорусским языком не пользуется. Слабость позиций национального языка подтверждает неочевидность существования белорусской нации как исторической реальности. В этом свете белорусский национализм, встречающийся, прежде всего, среди местной интеллигенции, есть либо недоразумение, либо следствие вражеских происков»;

4) «Белоруссия – младшая сестра России. Население Белоруссии Россию любит, уважает, признаёт старшим членом семьи, и, в отличие от некоторых других новообразованных государств, никаких исторических претензий к России не имеет».

Сейчас, после годового погружения в материал – в белорусскую действительность – мы можем утверждать, что назвать подобные представления ложными на сто процентов нельзя. Они не лишены оснований, в них, безусловно, есть какая-то доля правоты. Но и принимать их за чистую монету, тем более, строить на них далеко идущие выводы, точно не стоит. Сам по себе более чем четверть вековой опыт существования суверенной белорусской государственности заставляет усомниться в их достаточной глубине, полноте и точности. Непредвзятый взгляд на Беларусь сразу скажет: не так всё просто с этим случаем. Один только стаж белорусской независимости требует перестать смотреть на РБ как на нечто исторически случайное, промежуточное, временное, от чего-то к чему-то переходное. Продуктивней и перспективней исходить из того, что *в лице современной Беларуси мы имеем дело с оригинальным историческим феноменом*. Беларусь уже состоялась как суверенное государство: со своей особой исторической сценарностью, с самобытным общественным укладом, со сложившейся властно-политической моделью. Нужно уважать этот факт, и тогда появится шанс по-настоящему «понять Беларусь».

Как мы занялись Беларусью: выбор концепции и методологии

В 1990-е годы в качестве методологического ключа при изучении постсоветского мира чаще использовались концепции «демократического транзита». Но постепенно выяснилось, что они довольно поверхностно и слишком идеологично трактуют многие важные вопросы, в частности, природу «советского» и смысл перехода от «советского» к «постсоветскому». Образно говоря, этот стык априори трактовался транзитологами как переход из царства тьмы в область света.

Обнаружилось, в частности, и то, что усиленный акцент на анализе институционального развития, свойственный транзитологическим подходам, не всегда приводит к пониманию сути происходящего в конкретной стране. Пробуксовывает также и нормативистский вариант, ориентирующий исследователей, прежде всего, на изучение нормативно-правового каркаса жизни постсоветских стран. И тот и другой подходы, конечно, дают приращение знания, но не раскрывают чего-то исключительно важного, не приводят к подлинным интеллектуальным прорывам.

К сожалению, в 2000-е годы вместо конструктивной корректировки методологической базы отечественным интеллектуальным мейнстримом был сделан, по нашему мнению, шаг в неперспективном направлении. С дальних полок были извлечены евразийские фантазийные конструкты, увлечение которыми уводит исследователей в зыбкую область, где теряется грань между знанием достоверным и предположительным; фактология необратимо смешивается с идеологемами, умозаключения делаются слишком красивыми, чтобы оставаться истинными, иногда в них вообще появляется привкус мистики.

Между тем нам предстояло в ходе нашей страноведческой «экспедиции» найти убедительные и конкретные ответы на два больших вопроса:

- 1) Беларусь – она КАКАЯ?
- 2) Беларусь – ПОЧЕМУ она такая?

Пускаясь в столь сложное предприятие, важно было не ошибиться ни с концептуальной основой проекта, ни с выбором исследовательской методики.

Отталкиваясь от нашего многолетнего регионологического и страноведческого опыта, мы сформировали следующие исходные посылки для нашего белорусского проекта:

1. Пятнадцать постсоветских государств возникли не на пустом месте и возникли не случайно (эта тема развёрнута в четвёртой главе). Всё, что происходило с этими территориями и с этим населением до 1991-го года, имеет принципиальное значение для странового развития и государственного строительства после 1991-го года.

2. В комплексе постоянных и переменных факторов, определяющих неповторимые вкус, цвет и запах каждой страны, первой доминантой является её историко-культурное своеобразие и ментальное естество.

3. Именно историко-культурологический подход даёт ключ к главному замку на нужной нам двери – к *проблеме органичного соединения трёх дискурсов: досоветского, советского и постсоветского*. История народов непрерывна, какой бы ломаной не выглядела порой её событийная канва. Консервация и ретрансляция опыта людей и сообществ, воспроизводство их образа жизни, особенностей их мировосприятия и жизнедеятельности – всё это осуществляется через культуру, разумеется, в широком смысле этого слова

Постановка вопроса о доминантной роли культуры в воспроизводстве общественной жизни, о зависимости экономики и политики от социокультурного своеобразия социума у осведомлённого читателя, безусловно, вызовет ассоциации с работами исследовательской команды под руководством Л. Харрисона и С. Хантингтона[1].

Авторы с большим уважением относятся к сделанному и опубликованному этой замечательной командой, разделяют, в целом, базовые послышки и выводы, введённые ею в мировой и отечественный интеллектуальный оборот.

Отличие нашего подхода в том, что мы не были в нашей работе настолько сосредоточены на прогрессе, понимаемом, прежде всего, как экономический рост, на обусловленности последнего устойчиво воспроизводящимися социокультурными обстоятельствами, что составляет сердцевину концепции Л. Харрисона и его коллег.

Мы сосредоточились на другой стороне дела. В фокусе нашего внимания было, прежде всего, влияние этих обстоятельств на практику государственного строительства и атрибутивно сопутствующих ей процессах, темах и аспектах. Здесь мы более наследуем традиции, заложенной выдающимся отечественным мыслителем Д.С.Лихачёвым, отстаивавшем генеральную роль культуры в развитии обществ даже в условиях господства панэкономистского догмата о «базисе и надстройке».

Прилагая эти принципы к конкретной исследовательской ситуации, мы сформировали исходное целевое самозадание, согласно которому обязательному изучению подлежали:

- Предпосылки – исторические, культурные, ментальные – современной белорусской государственности
- Эволюция, этапность и динамика процессов государственного строительства РБ: интеллектуальные и социокультурные драйверы и якоря этих процессов
- Развитие национально-государственной идентичности у населения «страны Беларусь»: гуманитарные и иные источники, перспективы, динамика
- Советское наследие (экономическое, культурное, институциональное, психологическое, кадровое, символическое), его операционализация и капитализация в новейшей истории Беларуси. Опыт консервации – трансформации – модернизации советских практик: управленческих, социальных, гуманитарных

В процессе работы целевая программа уточнялась, корректировалась, расширялась (вот где пришлось кстати отсутствие заказчика, с которым пришлось бы всё это согласовывать!). Не по всем направлениям удалось продвинуться одинаково далеко. Но генеральная линия была выдержана. Нам не пришлось разочароваться ни в выборе объекта, ни в исходных послышках. Полученные результаты дают основания надеяться, что время и силы потрачены не зря, а у проекта есть перспективное будущее.

«Социология странствия» и «колесо смыслов»

Собственно, обращение к теме социокультурной индивидуальности локальных социумов – страновых или региональных – было далеко не первое для нас. В 1990-х – первой половине 2000-х годов благодаря усилиям Нижегородского исследовательского фонда – предшественника Экспертного центра «Мера» – Нижний Новгород превратился в один из ведущих центров развития российской регионологии.

Параллельно в диссертационной работе «Формирование системы ценностей в современном российском обществе», защищённой Юшковой-Борисовой Ю. Г. в 2000-м году, обстоятельно описывалось и анализировалось субцивилизационное своеобразие северных российских сообществ. Был дан социально-философский анализ того, откуда пошла культурная особина, как климат, способ производства, исторические факторы и способ адаптации к окружающей природной и социальной среде вывели современный северный социум [2].

Со второй половины 2000-х годов Экспертный центр «Мера» активно работал по социокультурной тематике в рамках исследовательско-консалтинговых проектов в регионах и городах России: Нижнем Новгороде, Перми, Ульяновске. Там, в частности, серьёзно разрабатывалась тема комбинации субкультур в рамках региональных и муниципальных культурно-ментальных матриц («регионалитетов», по нашей терминологии).

Выше говорилось и о нашей продолжительной практике – мониторинговой, аналитической, социологической – в некоторых постсоветских странах: Украине, Молдове, Киргизии. Даже с учётом того, что не всегда эта практика относилась к сфере культуры, всё равно плюсовался опыт постижения разнообразных страновых, региональных и мегарегиональных сообществ.

В результате весь этот многолетний опыт сконденсировался в комплексной познавательной методологии, долго развивавшейся без имени и обретшей в конце концов название «*социология странствия*».

Наша социология странствия – это органичное сочетание различных способов научно-исследовательского познания с вненаучными формами постижения действительности. Это – активная разведка новых пространств, новой реальности путём вживания в неё, путём тестирования её не только интеллектом и логикой, но и всеми органами чувств, эмоциями, непосредственным контактом, своими, образно говоря, боками. Это полноценное и ненарочитое включение познаваемой реальности в собственный жизненный опыт. Иначе говоря, социология странствия – это то, что вырастает из твоей работы в часть твоей жизни. Чтобы социология странствия сработала, надо, с одной стороны, выключить в себе и туриста, и командировочного. С другой стороны, не нужно стараться прикидываться своим – можно оставаться гостем, но гостем вежливым, внимательным и непредвзятым.

Обобщённо принципы социологии странствий таковы.

1. Единство субъекта исследования. Метод требует выполнения основных видов работ одним субъектом – человеком или компактной группой. Разделение труда, характерное для крупных социологических организаций, здесь допустимо только при исполнении вспомогательных, технических функций. Что же касается исследовательского присутствия, аналитики и создания итогового продукта, то всё это следует делать по принципу «одни глаза и уши – одни ноги – одни мозги – одно перо»

2. Активное очное присутствие на исследуемом поле, минимизация заочного и дистанционного познания

3. Использование субъектом всех своих познавательных возможностей, ресурсов и навыков, включая общую эрудицию, весь предыдущий жизненный опыт, интуицию, чувственное восприятие

4. Гибкое, вариативное планирование. Готовность скорректировать изначальное целевое задание, если того требует материал, и оперативно отреагировать на неплановое развитие исследовательской ситуации.

5. Отказ от запрета на личное отношение к объекту исследования. Возможные субъективизм и предвзятость компенсируются в этом случае дополнительным знанием.

Применительно к нашему белорусскому проекту социология странствия предполагала, наряду с использованием формализованных методов исследования, глубокое погружение в информационный и культурный контекст, плотное личное знакомство с предметной средой, психологической атмосферой, интеллектуальной жизнью «страны Беларусь».

За год работы по проекту мы провели непосредственно в Беларуси 54 дня, побывали в Минске, Витебске, Полоцке, Ракове, Бресте, Гродно, Мире, Несвиже. При любой возможности посещали научные форумы, знаковые исторические объекты, музеи, выставки, спектакли, концерты, храмы и костёлы, книжные магазины и художественные салоны. Перечитали или прочли заново культовые произведения белорусской литературы: Короткевича, Коласа, Мележа, Богушевича, Купалы, Богдановича, Бородулина, Орлова. Отсмотрели многие документальные телефильмы продакшн-студии Владимира Бокуна из цикла «Обратный отсчёт». И общались, общались, общались...

Вообще, думаем, что не следует судить, тем более, писать о стране, пока в твоей записной книжке не соберётся хотя бы 70—80 местных контактов; пока ты не поездишь в местных трамваях и электричках; не поторгуешься на местном базаре и не походишь по местным магазинам; пока не побываешь не только в столице, но и в провинциях, не потопчешь ногами разные города и сёла; пока не насмотришься местного телевидения и не прочитаешь местных газет.

Что же касается собственно социологической деятельности, то в качестве базового инструмента нами был выбран *метод экспертных интервью*. При ограниченности ресурсов именно этот метод позволяет получить наиболее обширный и разнообразный массив информации.

Корпус респондентов нашего исследования составил из представителей основных гуманитарных сфер белорусского общества: науки, образования, литературы и искусств, медиа, религиозных конфессий. Всего было проинтервьюировано 44 респондента в Минске, Витебске, Полоцке, Бресте, Гродно, Несвиже.

Занятые люди не пожалели своего времени, чтобы встретиться с нами и поговорить в рамках экспертного интервью о серьёзных вещах. Мы признательны им за это и высоко ценим их участие. Отказов от интервью было мало, и все они были мотивированными.

Интервьюируя белорусских экспертов, ясно видишь, что степень их открытости и глубины их ответов возрастает постепенно, по мере того, как они начинают доверять интервьюерам. Не исключено, в некоторых случаях это была реакция на возможные последствия контакта, отчасти – национальная черта. Но, как бы то ни было, работая в Беларуси, надо уважать поведенческую инерционность и стадийность реакций респондентов. Экспертные интервью позволяют варьировать ритм и плотность социологического контакта – в зависимости от достигнутого уровня доверительности. Что оказалось кстати.

Полученный в результате исследования массив транскрибированных текстов интервью был подвергнут полифакторному контент-анализу и широко использован при написании текста этой книги. Часть фрагментов имплементирована непосредственно в ткань авторского текста в качестве цитат, часть приведена в виде тематических подборок в завершении глав и разделов. Разумеется, мы не даём оценок высказываниям респондентов: ни комплиментарных, ни критических. Мы принимаем их, во-первых, как свидетельства компетентных экспертов, воспроизводящие – каждое в отдельности – часть объективной картины интересующего нас про-

блемного поля; во-вторых, как отражение личного, субъективного отношения к обсуждаемым вопросам людей, непосредственно влияющих на их состояние своей деятельностью.

И, конечно, на наше восприятие страны и на содержание этой книги повлиял настоящий водопад позитивных человеческих впечатлений от общения с яркими, содержательными людьми, подарившими нам не только своё время, но и свои мысли, эмоции, свои сомнения и надежды, свой юмор, свою веру, наконец.

Интересно, что в международной социологической среде сложилось неоднозначное мнение об условиях исследовательской работы в РБ. Некоторые коллеги, узнав о нашем белорусском начинании, предупреждали о возможном противодействии со стороны местных инстанций. Мы предприняли шаги по легализации нашего присутствия и нашей деятельности в стране. По этой ли причине, или потому что слухи о «негостеприимстве» местных инстанций были преувеличены, но нам в процессе работы ни разу не пришлось столкнуться с какими-либо искусственными препятствиями. Никакого противодействия – явного или скрытого – мы не ощущали. Все люди, которые могли чем-то нам помочь, помогали: советом, рекомендацией, участием.

Ещё одно важное соображение по итогам работы: российского исследователя, да и не только российского, не должна сбивать с толку схожесть населения наших стран, близость их образа жизни и образа мысли. Равно как не должны пугать и настораживать открывающиеся отличия. Вообще пора исследовать белорусский кейс вне жёсткой привязки к контексту отношений с РФ, рассматривать его как автономный, самодостаточный феномен. Такое расширение обзора откроет новые исследовательские перспективы, поможет лучше понять Беларусь: её прошлое, настоящее и будущее.

Понятно, что всегда легче писать об отличиях явных, выпуклых, бросающихся в глаза. Отличия россиян от нигерийцев, перуанцев или филиппинцев, конечно, заметить куда проще, чем их отличия от белорусов. В последнем случае – это отличия тонкие, нюансированные, не лежащие на поверхности и не превращающиеся для тебя в проблему при соприкосновении с ними. Тем важнее эта работа, тем ценнее её результаты.

Вообще, Беларусь как объект исследования заслуживает самого серьёзного к себе подхода. Изучая эту страну, надо изначально избавиться от снисходительно-благодарного отношения к ней как к объекту простому, тривиальному, понимаемому быстро и без особых усилий.

Кроме того, поработав в Беларуси, мы пришли к твёрдому выводу, что при описании и анализе страновой индивидуальности не стоит стремиться во что бы то ни стало придерживаться исключительно академического стиля и лексикона. Такая многоуровневая, разнородная и многоцветная реальность как жизнь целой страны не только позволяет, но иногда и требует совмещать строгий научный нарратив с художественными образами, метафорами, аналогиями. Именно образное мышление подсказало нам матрицу, в которую мы и уложили в конце концов материал, полученный в ходе «белорусского погружения».

Мы изначально поставили перед собой амбициозную задачу не просто выделить, описать и осмыслить видимые черты «страны Беларусь», но добраться до её предельных оснований, до чего-то «условно вечного», что определяет не просто жизнь, а самую судьбу народа. Разглядеть и вычлнить то неуничтожимое, связующее эпохи и поколения *вещество жизни*, угадать его ингредиенты и определить уникальный рецепт, по которому оно было сварено, и сварено именно этим народом.

Показавшийся поначалу перспективным образ дерева (корни – ствол – ветви – листья) был вскорости отставлен по простой причине: дерево никуда не двигается. А жизнь людей, стран и народов течёт непрерывно, всё время двигается и изменяется. Тогда родился *образ колеса*. И всё сразу встало на свои места.

Колесо – одно из величайших изобретений человечества – катится. Оно движется, но само остаётся неизменным. Колесо перемещается в пространстве и времени, оно катится

из прошлого в будущее. Оно было сделано давно. В те времена, когда народ становился народом. Это колесо от повозки (телеги, кареты, дилижанса). В повозке сидят дети – будущее потомство народа. Его будущее. Повозкой управляют люди, родители этих детей, нынешнее население страны. Его настоящее.

Наше метафорическое Колесо состоит, как и обычное материальное колесо, из обода и спиц. Обод – это то, что называется «национальный характер», то есть совокупность наиболее типичных качеств людей, составляющих этот народ, их интеллектуальных особенностей и психологических реакций, укорененных норм и моделей поведения, привычек, обыкновений, вкусов. Обод опирается на спицы, собирается, удерживается ими воедино. Спицы, в свою очередь, удерживают геометрию колеса, его способность катиться.

Спицы – это ценности, смыслы, коды миропонимания и нравственные аксиомы, являющиеся основой культуры народа, закрепленные в его языке, как системе мышления, способе кодировки информации. Это особый набор традиций и примет, по которым этот народ различает добро и зло, красоту и уродство, истину и заблуждения. Колеса нанизаны на оси, переднюю и заднюю, то есть культуру: высокую, профессиональную, и народную, бытовую. Вот такая картина у нас нарисовалась...

Можно, кстати, развивать образ и дальше. Тягловая сила – лошади, волы, ишаки или уже двигатель внутреннего сгорания – это ресурсы, экономические, прежде всего. Упряжь – способ впрягать ресурсы в повозку, то есть экономические правила. Манера управлять лошадью как политическая культура. Распределение мест в повозке как социальные иерархии и прочее и прочее... Но это уже темы для других исследований и других книг.

При этом в нашем Колесе смыслов нет ничего мистического или провиденциалистского. Мы никуда не уходим с почвы научного рационализма, материализма и монизма. Эта метафора не заменяет, а дополняет научное знание, делает его более пластичным, доступным и привлекательным.

[1] См. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под. ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона – М.: Московская школа политических исследований, 2002; Харрисон Л. Кто процветает?. Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М: Новое издательство, 2008; Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008.

[2] Ю. Г. Юшкова. Формирование системы ценностей в современном российском обществе. Автореферат диссертации. 2000. Российская Академия государственной службы при Президенте РФ.

Глава II. Страна Беларусь. Широкими мазками

Итак, какова страна, изучением которой мы занялись? Начнём с самого простого и очевидного. *Описательные параметры* Республики Беларусь производят впечатление, прежде всего, своей неисключительностью и своеобразной «равнобокостью»: все они тяготеют к среднеевропейским стандартам.

Со своими 9,5 миллионами населения Беларусь 17-я в списке 44 стран Европы, ранжированном по численности. По размеру площади страна – 14-я в Европе. При средней европейской плотности населения 31,9 кв. км на одного жителя показатель РБ – 46,1 кв. км. Плюс к этому Беларусь имеет на редкость сбалансированную модель расселения. Население распространено по территории Республики Беларусь довольно равномерно, особенно в сравнении с Россией.

Беларусь – территория, удивительно правильная геометрически. Столица Минск расположена в центре, остальные пять областей приблизительно равны по площади, областные столицы сопоставимы друг с другом по численности населения и другим системным параметрам. А транспортно-логистическая сеть страны такова, что добраться из столицы в любой населённый пункт автомобильным или железнодорожным транспортом можно за 3–4 часа.

Страна хорошо отцентрована, в том смысле, что столица репрезентативна и в геопространственном, и в коммуникационно-логистическом, и в социокультурном отношениях. Столица Минск – двухмиллионный мегаполис – доминирует, лидирует в политическом, экономическом и культурном пространстве, но не подавляет провинции, по крайней мере, в той степени, чтобы возникли свойственные некоторым странам гиперцентрализаторские диспропорции странового развития, не нивелирует чрезмерно их своеобразие.

Шесть административных регионов (областей), на которые поделена Беларусь, развиты относительно равноценно, среди них нет заведомых аутсайдеров ни по экономическим, ни по социальным и гуманитарным показателям. На особом счету – только местности, пострадавшие от техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986-м году.

В Беларуси есть межрегиональные различия, но нет межцивилизационных разломов. Соответственно нет предпосылок к сепаратизму и сецессии.

Республика Беларусь – одна из наиболее урбанизированных стран Европы: 77% её населения проживает в городах.

Ландшафт этой равнинной страны однотипен во всех её частях. В РБ нет труднодоступных или непригодных по природным условиям для жизни людей мест. Даже болотистые местности, которыми известна Беларусь, более-менее населены и обжиты.

Климат не идеален, но хорош для жизни, свободен от экстремальности. Практически вся территория страны пригодна для сельскохозяйственного производства (опять же с поправкой на inferнальные последствия Чернобыля).

Страна расположена в зоне слабой сейсмичности: последнее землетрясение здесь было больше ста лет назад. В Беларуси нет ни одного вулкана: ни действующего, ни потухшего. Нет бесплодных пустынь. Нет «полюсов холода».

Беларусь не слишком одарена ископаемыми ресурсами, но и не обделена ими совсем. Наиболее плодоносны для страны залежи калийной соли – сырья для калийных удобрений, стабильно востребованных на мировом рынке.

РБ граничит с пятью странами: Латвией, Литвой, Польшей, Российской Федерацией и Украиной. Важно, что у Беларуси нет «плохого соседа», хотя, разумеется, какие-то текущие проблемы в отношениях с граничащими государствами могут возникать. При этом ни одно из них не имеет к РБ территориальных претензий, никто не оспаривает её существующие границы.

У Беларуси нет выхода к морю, но в нынешнее время этот фактор не настолько значим, как в былые эпохи.

На территории Беларуси (в Полоцке или близ него) находится географический центр Европы – точка несколько условная и, скорее, символическая, но всё же о чём-то говорящая.

Завершая обзор общих данных, можно сказать, что пространственное строение РБ, соотношение страновых количественных параметров – сбалансированное, близкое к оптимальному для современного государства.

Беларусь как страна. Территория. Народ. Государственность

Работая с белорусской тематикой, особенно остро чувствуешь необходимость в различении понятий «страна» и «государство». Как известно, слово «страна» не относится к числу строгих научных категорий, в нём присутствует некая неустранимая неоднозначность и недоочерченность. Однако обойтись без него гуманитарные науки тоже не могут. Необходимо же как-то называть те устойчивые, способные к историческому воспроизводству соединения географического пространства и социального сообщества со свойственными последнему формами организации жизни и склонностью преобразовывать пространство особым образом, создавая «вторую природу».

Не всякое соединение людей и территорий рождает страну: здесь ещё должна поработать история; социум и его жизненное пространство должны «врасти» друг в друга, придать друг другу свои черты. Государство же, как механизм генерирования власти, организации правопорядка и управления, придаёт завершённость процессу строения.

Известно, что крупные, многосоставные государства, особенно выраженного имперского типа, по факту состоят из нескольких стран. Образно говоря, империя (или постимперия) – это обычно «страна стран». С другой стороны, известны случаи, когда некая исторически сложившаяся страновая единица оказывается разделённой между двумя или более государствами.

Современные суверенные государства имеют чёткие физические границы, внутри которых действует их юрисдикция. Страны же – это, скорее, ареолы с границами не всегда явными, предположительными. Но и то и другое является объективной реальностью, а особенности их комбинации – одной из основных страновых характеристик.

Что касается современной Республики Беларусь, то с ней дело, как мы это понимаем, обстоит следующим образом.

Республика Беларусь имеет в своей основе оригинальное сочетание основных строобразующих компонентов: территории, населения и государства.

По крайней мере, оно принципиально отличается от привычного нам российского сочетания. *Беларусь*, образно говоря – это древняя страна и молодое (не сказать ли – юное?) государство.

Если обратить внимание на население Республики Беларусь, то для большинства этих людей характерна глубокая укоренённость в своём жизненном пространстве. Известно (по крайней мере, такова общепринятая версия), что современные белорусы – потомки представителей трёх славянских племён: дреговичей, радимичей и кривичей, расселившихся в рамках нынешнего ареала приблизительно с VI века н. э. Частично смешавшись с местными (видимо, немногочисленными) балтскими и финскими племенами, эти люди живут здесь и по сию пору. Такая долгая привязанность населения к территории – не исключение, но точно и не правило для мировой истории народов. Можно сказать, немного упрощая суть дела, что *белорусы живут там, где они жили всегда*.

Некоторое недопонимание и разногласия на почве темы этногенеза местного населения и его идентификации происходят периодически из-за позднего появления этнонима «белорусы». Мы исходим из того, что даже самое важное слово – это всего лишь слово. Специалисты-этнологи прекрасно знают, что многие современные нации обрели свои нынешние контуры, а часто – и свои нынешние имена – сравнительно недавно: сто, двести, триста лет назад. Так что отсутствие у этноса этнонима с глубокой историей, не менявшегося на протяжении веков, не компрометирует его, уж точно не ставит под сомнение его существование.

Вообще, склонность сомневаться в существовании белорусов как отдельного этноса имеет свою долгую традицию. Дискуссия о том, насколько автономен белорусский этнос, или

его следует считать, скажем, подвидом единого русского народа, идёт, то затухая, то возрождаясь, не одно столетие. И ведётся она как за пределами белорусского сообщества, так и внутри него. Наиболее часто внутренним эпицентром и инициатором дискуссии о «белорусскости» становилось течение западнорусизма, истоки которого уходят ещё в XVII-й век.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.